

17. Turkaev, Kh. V. L. N. Tolstoy i formirovanie severokavkazskogo prosvetitel'stva (Leo Tolstoy and the Formation of the Enlightenment in the North Caucasus), in *L. N. Tolstoy i Checheno-Ingushetiya*. Grozny, 1989.

18. Khazan, V. I., O vechnykh problemakh v kavkazskikh rasskazakh L. N. Tolstogo (About the Perennial Problems in the Caucasian Novels by Leo Tolstoy), in *L. N. Tolstoy i Checheno-Ingushetiya*. Grozny, 1989.

19. Shamurzaev, A. A., *Rol' i mesto chechentsa Boty Shamurzaeva v tvorchestve M. Yu. Lermontova* (Role and Place of Chechen Man Boty Shamurzaev in the Creative Work of Mikhail Yu. Lermontov). Grozny, 2004.

Д. П. Кошубаев¹

ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается творчество М. Ю. Лермонтова в этнографическом аспекте: «документальность» художественных описаний быта и нрава горцев, точность определения их национальной принадлежности. Приводятся и анализируются различные точки зрения по данному вопросу.

Ключевые слова: кавказоведение, киноверсия, литературный образ, язык персонажей, этнотип, психологический роман, универсальный образ.

1

В 1930 году на «Ленфильме» А. В. Ивановским по сценарию П. Е. Щеголева и начинающего литературоведа В. А. Мануйлова был снят первый биографический фильм о Лермонтове «Кавказский пленник» (второе название – «Гибель Лермонтова»). Естественно, что фильм соответствовал тогдашней конъюнктуре – показать «мятежного поэта», «великосветскую чернь», «прогнивший режим» и т. д. «Кавказский пленник» пользовался успехом у зрителей, но во время Великой Отечественной войны кинолента погибла. Тем ценнее одно из

¹ КОШУБАЕВ Джамбулат Пишмафович – заведующий отделом по выпуску литературы на русском языке Издательства «Эльбрус», Нальчик, Россия. Электронная почта: elbrus_book@mail.ru.

немногих свидетельств, оставленное карачаевским просветителем Исламом Карачайлы (1896–1938), которому довелось посмотреть этот фильм в том же 1930 году.

«В это время входит и сам Лермонтов. Его просят прочесть что-нибудь.

– Да мне нечего читать. Разве что из старого? – соглашается он и читает доставившее ему славу и много огорчений «На смерть Пушкина».

Но как он читает? Так, как не прочел бы ни один великий мастер. Он читает с таким подъемом, с таким не актерским, а естественным огнем, с такой огромной силой, насыщенной “горечью и злостью”, свойственной вообще творчеству Лермонтова, внутренне переживая еще раз чувства, потрясшие и вдохновившие поэта это стихотворение, такая жгучая ненависть написана к этим подлым “потомкам” у него на лице, таким обвинительным актом звучит это редкое “чтение” непосредственно перед сборищем этих обвиняемых, что многие с недоумением переглядываются между собой.

У камергера Атрешкова, свирепеющего с каждым словом поэта, падает с глаз монокль. Князь Васильчиков, худосочный дегенеративный аристократ, сильнее вооружается лорнетом, чтобы целиться ненавистным взглядом в поэта. Ротмистр Мартынов, который почувствовал сразу же диссонанс, нервно, свирепо и торопливо рвет лепесток за лепестком цветов, который был у него в руке, будто он рвет на куски тело своего врага, которого он не мог не чувствовать в Лермонтове. Толстая дама недоумевает и негодует против этого неожиданно нахлынувшего потока обвинений. И т. д. и т. д. – каждый реагировал в соответствии со своим темпераментом, но все вместе и каждый в отдельности – враждебно. А по окончании чтения наиболее обманутые в своих ожиданиях, наиболее уязвленные в своих чувствах немедленно покидают собрание» [2, с. 225].

Приведенный отрывок уникален тем, что содержит непосредственное впечатление зрителя от «Кавказского пленника». Зритель, в данном случае, это сам автор – Ислам Карачайлы, хотя и образован, но настолько неискушен в искусстве кинематографа, что не делает абсолютно никакого различия между актером, играющим Лермонтова, и самим поэтом.

2

Последний опыт экранизации – телесериал 2007 года «Герой нашего времени» – обладает всеми признаками сериалов: гламурно, физиологично и – совсем о другом. Единственное оправдание таких экранизаций – лишний раз напомнить, что есть такой классик. И зритель вспомнил.

В одной общественно-политической газете, выходящей в г. Нальчике, появились недоуменные письма зрителей: отчего Бэла не говорит по-кабардински? Действительно, на каком языке могла разговаривать Бэла?

3

Лермонтов довольно точно определяет национальную принадлежность своих героев-горцев, однако в «Бэле» этой определенности нет.

Отец девушки «мирной князь», кунак Максима Максимыча, которому «нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин».

Печорин говорит о девушках, танцующих на свадьбе: «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках». Воспроизводя речь Казбича и Азамата, Максим Максимыч вставляет два тюркских «йок» и «яман», да и у лошади Казбича тюркское прозвище – Карагез.

Максим Максимыч говорит о черкешенках: «Вы черкешенок не знаете <...> это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, совсем не то»; о Бэле – «Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татарски»; об Азамате – «Засверкали глаза у татарчонка». Вместе с тем лошадь Казбича «славилась в целой Кабарде», а на лошадь самого Максима Максимыча «уж не один кабардинец на нее умильно поглядывал, приговаривая: “якши тхе, чек якши!”» [3, с. 17].

На эти разночтения обратил внимание и цитировавшийся уже И. Карачайлы: «Еще один вопрос. У классиков очень много путаницы в употреблении слов “чеченец”, “татарин” и т. д. Авторитет классиков как бы узаконил заведомо неправильные вещи, нелепые с точки зрения этнологии. Человеку, не разбирающемуся в различиях между чеченцем и осетином, черкесом и карачаевцем, ингушем и балкарцем и т. п., очень удобно

при всяких ляпсусах сказать: “Извините! Хотя тут написано абазинец, но я имел в виду карачаевца, ибо все-де равно, ведь все они головорезы... то бишь черкесы”.

Позвольте! Не все они “черкесы”. Есть народы, близко стоящие в этническом отношении друг к другу. Есть народы, далеко отстоящие друг от друга в этом отношении. Если “тонкостей” всего этого нельзя знать, то об этих различиях необходимо иметь четкое представление. Человеку же пишущему, у которого читающая масса должна нечто узнать о горцах и притом узнать нечто безусловно доброкачественное, это представление абсолютно необходимо. Вот почему мы совсем не согласны с толкованием т. Эшба, который говорит, что “черкес” “в произведениях Пушкина да и Лермонтова – собирательное имя, синоним с “чеченцем”, вообще “горец”. Такое толкование нельзя квалифицировать иначе, как поощрение и узаконение на вечные времена вопиющего невежества в отношении горцев. Подражая на этом основании великим классикам, многие совсем невеликие могут себе позволить, да и позволяли, уйму поэтических и ... прозаических вольностей.

Разоблачая каждый раз невежество, обывательское отношение к предметам и явлениям, которые имеют собственное наименование, мы должны отучить любителей неуклюжих вольностей от такого подражания. Черкес есть черкес, а отнюдь не чеченец. Ингуш есть ингуш, а не осетин, не балкарец, не кумык. И это надо хорошо усвоить тем, кто собирается писать о Кавказе и его народах» [2, с. 215].

Вопиющее невежество в отношении горцев, о котором писал И. Карачайлы, в наше время нашло свое выражение в определении «лица кавказской национальности».

4

В 2007 году «Издательство АСТ» выпустило книгу Мурада Аджи «Полюнь половецкого поля». Автор, описывая историю своей семьи, в частности, пишет:

«Я могу описать местность и сам аул тех лет, кое-что знаю о его жителях. Откуда? От Михаила Юрьевича Лермонтова. Он бывал в Аксае. И жива молва, будто Бэла – наша, аксайская. Она вполне могла быть сестрой Абдурахмана, а Азамат – его братом... (Абдурахман – прадедушка М. Аджи. – **Дж. К.**).

И то, что Максим Максимыч и Печорин жили в крепости неподалеку, правда. Я нашел название крепости – Ташкечу.

“Крепость наша стояла на высоком месте, – вспоминал Максим Максимыч, – и вид с вала был прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками, оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где за ней дымились аулы, ходили табуны; с другой – бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа”.

Все так. Те же широкие поляны, изрытые балками, мелкая речка Аксайка, кустарник. Я тоже видел их, стоя на том валу. Однако леса, что тянулся, по словам Лермонтова, до самого черного хребта, не было. Не верилось, что в выжженной степи, окружающей Ташкечу, когда-то рос лес.

Позже, в Москве, в библиотеке, убедился: сомнения напрасны. Вот что писал о тех местах один путешественник: “Входите вы в старый буковый участок леса, вас сразу охватывает какая-то сырость и темнота. Громадные буки стоят, заслонив небо непроницаемым пологом и не допуская солнечные лучи...” Буковые леса чередовались с ореховыми рощами. Отсюда “Терек” – “лесная река”.

Вырубили, оказывается, те леса, с которыми связаны поколения кумыков. Все под топор пустили. Это была военная операция по колонизации Кавказа. Чтобы не прятались... Словом, озер, лиманов, плавней, где охотился Печорин, больше нет – исчезли» [1].

То, что М. Аджи местоположение и название крепости преподносит как свое открытие, довольно забавно. Лермонтов сам точно определяет географическую точку – Максим Максимыч говорит: «Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода, – знаете?» В «Лермонтовской энциклопедии», в словарной статье «Каменный Брод» говорится: «Каменный Брод, укрепление на р. Аксае (по-кумыкски Таш-Кичу), на месте которого ныне расположен аул Аксай (...) Служило связующим пунктом между крепостью Внезапной и Амир Аджи-Юртской переправой. Вблизи укрепления находились чеченские аулы, но земли принадлежали аксайским кумыкским князьям. Лермонтов, видимо, побывал в Каменном Броде в 1837 году» [4, с. 216].

Текст «Бэлы» также подтверждает, что речь идет именно об этой крепости: «На другой день он тотчас же отправил нарочного в Кизляр за разными документами». Близость Кизляра. Близость чеченских аулов – все совпадает.

5

И все же, почему в тексте «Бэлы» возникают попеременно то татары, то черкесы? Нет ли здесь противоречия? Думается, что исчерпывающий ответ может дать Броневский в книге «Кавказцы» (1822):

«Кумыки говорят Татарским языком, отличным от ногайского наречия; давно исповедуют Магометанский закон Суннитского раскола, и хотя от смешения с Горскими имеют много сходства с сими последними в нравах, обычаях и в одежде, но по всем вышеупомянутым причинам бесспорно признаются за Татар» [5, с. 191].

«Внутреннее управление у них такое же, как у Кабардинцев. Владельцы без согласия Узденей ничего предпринять не могут, и чаще случается, что первые должны приставать к мнениям последних. В общежитии у них те же Горские обычаи в силе, то есть воровство и праздность» [5, с. 202].

«Кумыкские Князья принимаются в Российскую службу военными чинами и за отличие жалуются золотыми медалями. В прочих обычаях и в образе жизни Кумыки сходны с Черкесами» [5, с. 204].

Иначе говоря, в сознании русского человека кумыки были татарами, но теми же черкесами. Поэтому Печорин начинает «учиться по-татарски», чтобы разговаривать с Бэлой. Максим Максимыч, прослуживший на Линии около двадцати лет, хорошо различает коренных жителей и ошибиться не может, равно как не ошибается и Лермонтов. И не случайно, а вполне закономерно, что в одном из своих писем поэт пишет: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе».

Конечно, предположение Мурада Аджи, что Бэла «вполне могла быть сестрой Абдурахмана, а Азамат – его братом», может вызвать лишь улыбку. Впрочем, Лермонтов – всекавказец, что свидетельствует об удивительном его даровании. К примеру, в 2007 году в интервью «Литературной газете» молодой

чеченский прозаик Герман Садулаев говорит, что Лермонтов – первый чеченский поэт. (В одно время бытовала версия, что прототипом героя поэмы «Измаил-Бей» послужил чеченец Бота Шамурзаев. В возрасте 9–10 лет он попал в плен, воспитывался у барона Г. В. Розена, был приближен к великому князю Константину Павловичу. Затем вернулся на родину, где служил переводчиком. Судьба, типичная для многих горцев времен Кавказской войны.)

6

«Герой нашего времени» – это не только психологический роман, это еще и роман-путешествие. Читатель вместе с рассказчиком и Печориным преодолевает пространство от Тамани до Кизляра, вдоль всей Кавказской Линии. Естественно, в задачу Лермонтова не входило описание быта и нравов местных народов, но тем не менее он выхватил существенные различия и общие черты, что не может не восхищать.

Обычно критики Лермонтова приводят цитату из «Бэлы» об осетинах: «Преглупый народ! <...> Поверите ли? Ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно осетины!» [3, с. 12].

Но рядом с этой характеристикой есть совершенно другая: не доезжая до Коби, они «своротили налево», «и кое-как, после многих хлопот, добрались до скудного приюта, состоявшего из двух саклей, сложенных из плит и булыжника и обведенных такою же стеною. Оборванные хозяева приняли нас радушно. Я после узнал, что правительство им платит и кормит их с условием, чтоб они принимали путешественников, застигнутых бурей» [3, с. 33].

Эти радужные хозяева – тоже осетины. Своеобразная «дотация», которую они получали, была компенсацией за конфискованные вдоль Военно-Грузинской дороги земли, и другого источника дохода у этих людей не было. Ни больниц, ни школ, только постоянные дворы с питейными заведениями – таковы были первые плоды цивилизации на Кавказе.

Лермонтов показывает истинное отношение к туземцам, бытовавшее у представителей Российской империи. Он не задается вопросом: почему так плохо живут эти люди, в чем причина

столь бедственного положения? Он смотрит глазами офицера, который едет с подорожной по казенной надобности по Азии.

Использованная литература:

1. Аджи М. Полынь половецкого поля. М.: АСТ, 2007.
2. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в.: Избранное в двух томах / сост. Т. Ш. Биттирова. Нальчик: Эльбрус, 1996. Т. 2.
3. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4-х т. / подгот. текста и прим. В. А. Мануйлова. М.: Художественная литература, 1958. Т. 4.
4. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981.
5. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеоном Броневским. М.: Типография С. Селивановского, 1823.

LERMONTOV'S LITERARY CREATION: ETHNOGRAPHIC ASPECT

KOSHUBAEV, Dzhambulat – Head, Department for the Production of Literature in Russian, «Everest» Publishing, Nal'chik, Russia.
E-mail: elbrus_book@mail.ru

While considering M. Lermontov's works from ethnographic aspect («documentary character» of the artistic descriptions of the mountaineer's everyday life, morals and manners, accurate identification of their ethnicity), the author of the article presents and analyzes different points of view on the issue.

Keywords: *Caucasus studies, film version, literary image, language of the characters, ethnotype, psychological novel, universal image.*

References:

1. Adzhi, M. *Polyn' Polovetskogo polya* (The Artemisia of the Polovtsian Field). Moscow: AST, 2007.
2. *Karachaevo-balkarskie deyateli kul'tury kontsa XIX – nachala XIX veka: izbrannoe v dvukh tomakh* (Karachay-Balkar Cultural Deeds of the Late 19th – early 20th cent.: Selected Works in Two Volumes), Bittirov, T. Sh., Ed., 2 vols, Vol. 2. Nal'chik: El'brus, 1996.
3. Lermontov, M. Yu. *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* (Selected Works in Four Volumes), Manuylov, V. A., Ed., 4 vols., Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1958.

4. *Lermontovskaya Entsiklopediya* (Lermontov Encyclopedia), Manuylov, V. A., Ed., Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1981.

5. *Noveyshie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Simeonom Bronevskim* (Latest Geographical and Historical News about the Caucasus Collected and Replenished by Simeon Bronevsky). Moscow: Pinting Office of S. Selivanovsky, 1823.

Э. Деканова¹,
Н. Муранска²

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В СЛОВАЦКОЙ КУЛЬТУРЕ, В СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

В статье прослеживается восприятие творчества и жизни М. Ю. Лермонтова в словацком литературном и историческом контекстах, в современном словацком литературоведении и литературной критике, перечисляются основные издания Лермонтова на словацком языке. Представлены фрагменты исследования творчества Лермонтова словацким ученым проф. А. Червеняком, в которых рассмотрены четыре тайны жизни, любви, духа и эстетики поэта. М. Ю. Лермонтов представлен в словацкой критике как новатор русской прозы.

Ключевые слова: Лермонтов, Словакия, восприятие, переводы, литературоведение, лермонтоведение.

Александр Сергеевич Пушкин был поэтом вечных вопросов и конфликтов, поэтому понимание его творчества пришло не сразу. Наследие Михаила Юрьевича Лермонтова – ввиду идейной и поэтической глубины – словаки также осваивали с трудом. Самым популярным русским поэтом XIX века был А. С. Хомяков, который со своими не универсальными, а,

¹ *ДЕКАНОВА Эва* – кандидат филологических наук, доцент-доктор кафедры русистики философского факультета Университета им. Константина Философа, г. Нитра, Словацкая Республика. Электронная почта: edekanova@ukf.sk.

² *МУРАНСКА Наталия* – кандидат филологических наук, профессор, кафедры русистики философского факультета Университета им. Константина Философа, г. Нитра, Словацкая Республика. Электронная почта: nmuranska@ukf.sk.